

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 25 (3020)

ЦЕНА 10 коп.
30 ЯНВАРЯ 1935 г.
СРЕДА

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

Орган Центрального и Московского комитетов ВЛКСМ

ТВОРЧЕСКИЙ ОБЛИК ЧЕХОВА

Один из критиков Антона Павловича Чехова бросил замечание: «Интеллигент, — сказал он, — вышел из образа Антона Чехова по своему унылому подобию».

Советское литературоведение сделало уже немало для того, чтобы восстановить подлинный облик писателя, освободить его от этого навязанного ему «унылого подобия». Однако до сих пор наша критика со всей полнотой еще не оценила этого большого художника, творчество которого составило значительный этап в русской литературе. В дни, когда советская общественность отмечает 75-летие со дня рождения Чехова, особенно важно еще раз попытаться заново осмыслить его творческий путь, понять, почему произведения Чехова пользуются большой любовью и популярностью в широчайших читательских массах нашей страны.

Чтобы уяснить себе это, надо прежде всего отказаться от трафаретного представления о Чехове, уподобляющего его тем бесконечным «нытикам и пыжикам», которых он неустойчиво разбавлял в своих произведениях. Надо еще и еще раз проследить тот удивительный путь, который проделал Чехов от мальчика в бакалейной лавке до художника, заслуженно пользующегося мировой известностью.

Антон Павлович Чехов родился 17 января (ст. стиля) 1860 г. Семья, в которой рос и воспитывался Антон Павлович, отличалась строгим патриархально-мещанским укладом. Суровый педантизм религиозного отца, беспрерывные домашние богослужения, попы и монахи, которым обязательно было целовать руку, выстаивание в качестве певчего на длительных церковных службах, телесные наказания дома и в школе, мучительные дежурства в лазаретской атмосфере, в которой протекало детство Чехова. Недаром он впоследствии говорил, что «в детстве у него не было детства».

В 1879 г. Чехов — на медицинском факультете Московского университета. Меди-

цинское образование и последующие годы врачебной практики Чехова способствовали формированию мировоззрения безбожника, позитивиста, оптимистически глядящего на жизнь, верящего в науку, в культуру.

Двадцатилетним юношей Чехов напечатал свой первый рассказ «Письмо донского помещика», который является началом его неуклонного творческого роста и совершенствования его художественного мастерства.

Чтобы оценить всю силу чеховского таланта, всю его идейную и художественную самостоятельность, надо припомнить, что представляло собой время вступления Чехова в литературу.

То были восьмидесятые годы, когда после казни Александра II наступил период реакции, едва ли не наиболее мрачный на протяжении всего XIX столетия. Эпоха полума революционного движения 60-х и 70-х годов сменялась периодом, когда пришедший к власти Победоносцев провозгласил возврат крепостничества, когда «ежедневные рукавицы» и «бараний рог» стали наиболее распространенными орудиями «твердой власти» в ее борьбе со всяким проявлением

общественной мысли и борьбы. Возродились, говоря языком Салтыкова-Щедрина, проекты «со необходимости оглушения» в смысле временного усыпления чувства.

Параллельно с этим необычайным усилением реакции, в значительной мере под ее давлением, происходил процесс распада наконец изживший себя идеологии народничества. Разочаровавшись в этой идеологии довольно значительные слои мелкобуржуазной интеллигенции оторвались от идей народничества и приняли открыто буржуазную ориентацию. Однако этот путь не открывал настоящего выхода. Свообразие развития русского капитализма состояло в том, что он до самого своего конца зависел от помещичье-бюрократического государства. Это положение приводило наиболее передовые слои буржуазной и близкие к ней группы мелкобуржуазной интеллигенции в состояние полного бессилия и растерянности. Творчество Чехова и было с одной стороны художественным выражением этого бессильного протеста против ужасов феодальной реакции, с другой — отражением устремлений мелкобуржуазной интеллигенции к идеалам буржуазно-демократического строя.

Однако Чехов сохранил при этом в современной ему литературе особое положение. Сознывая невозможность как-нибудь активно воздействовать на окружающую действительность, отдельные литературные группы ушли в символизм, мистицизм, провозгласили культ «чистого» искусства, отдались настроениям декадентства. Один из наиболее видных декадентов, Федор Сологуб, писал, например:

«Мы устали преследовать цели,
На работу затрачивать силы,
Мы созрели
Для могилы.
Отдадимся могиле без спора,
Как малютка своей колыбели.—
Мы истщем в ней скоро
И без цели».

Против этих мертвящих настроений Чехов устоял. Большие того, почти с самого начала своей литературной деятельности, и чем дальше, тем сильнее, он бичевал подобные настроения и с беспощадной силой яркой художественной правдивости разоблачал их носителей.

В течение первых 6—7 лет литературной работы Чехов сотрудничал в юмористических журналах «Стрекоза», «Будильник», «Развлечение», «Зритель», «Осколки» и др. В этих журналах он напечатал большинство своих юмористических новелл. Применяясь к тону и характеру этих журналов, Чехов сообщает своим рассказам этого периода установку на легкую развлекательность и тем самым резко противопоставляет себя остаткам народнической литературы, которая продолжала еще в скорбных тонах жевать запыленные народнической идеологии. В отличие от этой литературы Чехов подчеркивает свою «свободу» от народнических традиций, от «долга перед народом», от «наследства отцов» — шестидесятников. Обычной темой рассказов этого периода является взяточничество, воровство, безграмотное чиновничество, трусливое подхалимство мелких чиновников, застойность мещанского быта, культурная отсталость, социальная косность и т. д. Все это дается Чеховым как вереница никак не связанных между собой комических эпизодов, но и в этих рассказах между строк совершенно ясно звучат ноты социального обличения.

Особой заслугой Чехова является то, что форму малого рассказа, которая до него считалась низким жанром и культивировалась только в малой прессе, он поднял на исключительную художественную высоту и тем самым завоевал этому жанру право на жизнь в художественной литературе.

В этот именно период, т. е. в течение второй половины восьмидесятых годов, постепенно вырастает до своих настоящих размеров Чехов — крупнейший художник, противостоявший России рабам с ее отсталостью, невежеством, варварством, с ее пошлостью и пинизмом.

Идя по этому пути, Чехов, правда, очень медленно, но явно приближался в своем творчестве к осуществлению тех великих лозунгов, которые провозгласил А. М. Горь-

кий. Особенно четко эти лозунги прозвучали в рассказе Горького «Читатель»: «Цель литературы — помочь человеку познать себя самого, поднять его веру в себя и развить в нем стремление к истине, бороться с пошлостью в людях, уметь найти хорошее в них, возбуждать в их душах стыд, гнев, мужество, делать все для того, чтобы люди стали благородно сильными».

Характер подобных же идейно-психологических сдвигов, происходивших в эти годы в писателе, отчетливо возникает из следующего часто цитировавшегося письма Чехова:

«...Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целованием поповских рук, поклонением чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без капош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества, — напишите, как этот молодой человек выдвигает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая, человеческая».

Достигнув этого высокого уровня творческого самосознания, Чехов ощущает потребность художественно осмыслить, обобщить, подвести итог всем тем разрозненным мотивам, которые воплощены в его маленьких рассказах. Так рождается в его творчестве жанр повести. С конца восьмидесятых и в течение девяностых годов Чеховым написан ряд крупных повестей: «Скучная история», «Дуэль», «Палата № 6», «Рассказ неизвестного человека» и др. На «периферии» этих произведений, образуя их фон, выступают все те же фигуры полудо-философствующих, скучно и претенциозно резонерствующих бездарностей. Это все те же персонажи царской России, которые так смешили в ранних рассказах. Но теперь, в отличие от раннего периода, в центре повести появляется образ интеллигента, осознающего весь ужас рабской действительности.

Последний период в творчестве Чехова

почти целиком посвящен драматургии. С точки зрения содержания группа драматических произведений Чехова отличается той особенностью, что в них снова меняется отношение автора к своим персонажам. Писатель как бы поднимался на еще более высокую ступень творческого самосознания, и с этой высоты ему видно, что герои его драм являются, в сущности, бесчеловечными жертвами кошмарной действительности.

Чехов игнорировал в своем творчестве вопросы нарастающего рабочего движения и приближение революции. Идеи марксизма остались для него чужды. Но вместе с тем, будучи выдающимся художником, Чехов не остался замкнутым в узком кругу идей и настроений той социальной группы, выразителем которой он был. Он поднял в своем творчестве крупнейшие проблемы, — например, вопрос о социальном неравенстве, о смысле социальных привилегий и т. д. («Случай из практики», «Сапожник» и «Нечистая сила»).

Предельная выпуклость, законичность и правдивость чеховских образов обеспечили им широчайшую популярность. Образы «унтера Пришибеева», «Человека в футляре», «Душечки», «Пончика» живут самостоятельной жизнью. В чеховских образах неоднократно прибегали в своих выступлениях тт. Ленин и Сталин.

Значение Чехова складывается из двух элементов. С одной стороны, творчество Чехова является величайшим культурным памятником, позволяющим познать и почувствовать его эпоху. С другой стороны, сила чеховского осмеяния особенно значительна, ибо «Чехов — реалист, овладевший этой формой так, что дальше его никто не может идти по этой стезе» (М. Горький), «непревзойденный мастер маленького рассказа и художник большой правды, больших обобщений» («Правда»), боровшийся против всякого рода пошлости, рутинности, духовной и идейной трусости и лицемерия.

И. В. ГОЛЬДБЕРГ.